

Вerner Ross

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА

/из книги: "Католическая церковь в
Германии сегодня"/

Сборник статей

ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА - НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУРЫ

1. "Культура", воспринята слишком узко.

Мы понимаем под культурой общность всех жизненных выражений в определенное время и в определенном пространстве, поскольку эти выражения духовны /также и в смысле "духа времени"/ Определение это шире, чем определение, господствующее в Германии /искусства, наука, духовная жизнь/, и уже, чем принятые в антропологии /"культура эскимосов"/, включающее в себя все жизненные формы, скажем, застольные обычай или практику охоты. Мода в этом смысле слова является также составной частью культуры, как и средства массовой коммуникации, школа, также как и методы организации свободного времени, мнения, также, как и идеология. "Литературой" в таком случае следует считать не "поэзии", но все, что получает словесные формулировки и публикуется. Этот широкий тематический горизонт потому необходим, что поскольку на практике понятие "культура" слишком быстро редуцируется до особых сфер: так землячества ФРГ понимают культуру как образование, города- прежде всего, как общественно полезные учреждения: театр, концерт, музей, библиотеки.

Церковь тоже стремится к таким упрощениям: она концентрирует свое внимание, с одной стороны, на сфере образования, простирающейся от детских садов до образования взрослых и теологических факультетов, с другой же- на церковном искусстве, от языка литургии, музыкальных форм богослужения до храмового строительства и украшения церквей. В других сферах, скажем, в сфере массовых коммуникаций, она пытается влиять через представительство и персонально политически через поощрение "хороших католиков". Сфера, обозначенная здесь словами "мода" и "мнение" и относенная к культуре, в церковной практике принадлежит к этике или пасторскому богословию.

2. Христианское ответное нападение.

Нужно лишь вспомнить средневековье, чтобы представить себе совершенно другое отношение церкви и культуры, а именно отношение широкой идентификации как модель, противоположную современной редукции. С точки зрения исторической, культурное развитие представляет собой процесс секуляризации, который предоставляет религии, в конце концов, периферийную роль в "плuralистической" системе, при более ^{точной} острой установке линзы можно обнаружить, что религия сама нападает и отвоевывает благодаря этим нападениям потерянное культурное пространство, что ^{не} она ^{не} приспосабливается ко времени, а приспосабливает время к себе. Эти "изменения в тенденции" происходили во времена немецкой романтики, французского " ", во времена общеевропейского усиления как католицизма, так и протестантизма в период обеих мировых войн. Они по существу литературы и определяются языком как средством диалога и выражения.

Здесь нужно упомянуть об этой ситуации хотя бы вскользь, чтобы показать, что конца не следует ожидать, опустив руки, что нужно быть более инициативными. 100 лет тому назад велась т.н. "культурная борьба". Это была борьба олицетворенной в лице государства культуры против укоренившегося в церкви "мракобесия". Книга Штрауса "Старая и новая вера" /1872/, слова Ницше "Бог умер" /1875/ и вышедшая в конце столетия книга Геккеля "Мировые загадки" /1899/ обозначали этапы борьбы мировоззрений, которая - как этоказалось - привела церковь к стенке.

Смена веков принесла размытую, христиански окрашенную религиозность /Рильке "Часослов"/, но с основанием "Хохланда" Карлом Мутом /1903/- ^{драма} принесла возможность культурного обновления католического духа. Десятилетие позднее, религия вновь становится предметом дискуссии, обретает культурную продуктивность. В это время уже работает Теодор Хэkker и Макс Шелер; Альфред Вебер и Эрнст Трельч исследуют взаимоотношения между религией, культурой и обществом. Альберт Швейцер становится врачом-миссионером и отправляется в Ламбаренс. "Всякий" Гофманеталь и "Благовещение" Клоделя возобновляют жанр мистерий, Рильке создает

цикла "Жизнь Марии", Нельде пишет триптих "Мария Египетская". Христианский голос вновь вливается в полифонический хор культуры, появляются такие шедевры как "Шелковый башмак" Клоделя и "Смерть в Соборе" Элиста.

3. Конец христианской литературы.

Христианское противодействие потеряло свою силу с 60-х годов этого столетия. На вопрос "Скончалась ли христианская литература?" можно было бы ответить в 1968г. положительно. Новая мощная волна просвещения соединилась с социальным пафосом освобождения и объявила себя "социальной религией" /Шельский/. Христианский театр более не существует, фильмы с христианской тематикой или проблематикой, наподобие фильмов Бергмана, вряд ли теперь мыслимы. Неудавшийся эксперимент ежедневной газеты "Публика", растворение христианской субстанции в праздничных приложениях большинства газет, почти полное отступление христианской культуры на телевидении - вот что определяет ситуацию. "Воскресное слово" охотно цитируют в ироническом контексте, так изолированно выглядит оно в контексте информации и разговоров. В "плуралистической" культурной среде христианский элемент кажется отсутствующим, если не считать т.н. левого католицизма и левого протестантизма с его акцентированной социальной ангажированностью. Творчество Генриха Белля представляет собой на этом фоне редкое исключение.

В этом отходе от культурной общественной жизни можно видеть другую сторону того внутреннего преобразования церковного мира, которое началось на 2-м Ватиканском Соборе. Уже сам термин "Адкорнаменто" выражает (волю к приспособлению) к миру 20 века, стремление к реформам. Реформа здесь затрагивает культуру лишь потому, что затронуты и внутрицерковные формы - и здесь это сделано с такой решительностью, какую церковь вряд ли выказывала за всю свою длинную историю: почти полное вытеснение латинского языка, полное изменение евхаристической службы, новое церковное пространство. О целесообразности этих якорей реформ здесь трудно дискутировать в общем и частном. Но нужно ясно представлять,

что как раз католическая церковь отказалась здесь от своих замечательных завоеваний: от торжественности общего строя ее культуры, которая привлекала к ней несчетное множество людей, завороженных греко-римским стилем и моцартовской мессой, величественным ходом литургии и шествием монахов. Экспериментирование с новыми формами оправдано, но оно не должно иметь внешних последствий. До сих пор переложения текстов Библии и псалмов - то немногое, что делается здесь /например, перевод Евангелия от Матфея Вальтером Йенсом/.

4. Культурное возрождение.

Церковь без культуры - это замкнутая на себя церковь-гетто. Но поскольку у церкви есть официальное положение, а подчас и некоторые преимущества, она не должна пренебрегать стремлением быть солью и дрожжами культуры нашего времени. Ни юридическая или политическая надежность, ни литургические или административные реформы не могут защитить церковь от измельчания ее жизненной субстанции. Она должна поставить себе цель - стать смыслом культурного движения, соединить воедино этические и эстетические, пасторские и социальные импульсы. В литературной полемике, которая развернулась ¹¹⁰ вокруг нее, с одной стороны неверующие /Дешнер, Лебзак/, а с другой верующие /Бель, Амер/, она должна уметь отвечать литературно, описывая, например, бедность в церкви или помочь церкви бедным, больным, пленникам, как она и делала это в течение столетий.

В полемической контратаке у нее должны вырасти крылья, она должна быть вдохновенной. Литература тогда возникнет сама собой как выражение этого вдохновения и его побочный продукт.

Творчество нуждается в помощи сурового ветра конкуренции. В такой же степени, в какой католические факультеты немецких университетов могут "отвоевать" себе уровень лишь в условиях конкуренции с соседними науками, католическая литература также представима лишь в конкурентной борьбе газет, журналов, изданий. Сегодня ветер конкуренции дует прямо в лицо католикам; уже в 1966 г. Генрих Бель сказал, что он ограничил свое общение с христианами, а общение с католиками свел к минимуму /8: "Что является христианским

основанием?, Статьи. Критика. Речи. 1967/. Нужны также инициативы организационного порядка, чтобы снять имеющие место табу и бойкот. Возможно, нужен новый Карл Мут, чтобы возник новый "Хокланд"? Можно процитировать убедительные примеры новой религиозной лирики /Эва Целлер/; значительный макиант романист Манфред Билер сделал попытку правдоподобно изобразить религиозное бытие монахини. Последние удачи или первые ласточки? Тот, кто подумает о случае с Солженицыным, у того будет достаточно материала для размышления.
